

Дорогие читатели,

Случалось ли вам смотреть на человека, которого вы знаете лучше всех на свете, и спрашивать себя: а что на самом деле скрыто у него внутри? Действительно ли он тот, кем кажется?

Меня всегда поражало, что наша жизнь зачастую держится на секретах и лжи, и поэтому главный вопрос этой книги таков: можно ли знать кого-то целиком и полностью?

Надеюсь, вам понравится,

Карин Слотер

Посвящается моим ребятам с Парада

*Я — никто. А ты — тоже таков?
Значит, нас пара таких чудаков.
Но — тсс, ни слова об этом:
не то нас осудят всем светом.*

*Как тошно быть важной особой,
и весь июнь, не устав,
твердить свое имя болотам
к восторгу млеющих жаб¹.*

Эмили Дикинсон

---

¹ Э. Дикинсон. Цит. по переводу А. Гаврилова.

ПРОЛОГ

Долгие годы — даже тогда, когда она его еще любила, — какая-то часть ее ненавидела его, как по-детски ненавидишь то, что не можешь контролировать. Он был упертым, тупым и привлекательным, что компенсировало чертову тучу ошибок, которые он постоянно совершал. Причем одних и тех же ошибок, снова и снова. Действительно, зачем браться за новые, если старые прекрасно работали на него?

А еще он был очаровательным. В этом и заключалась проблема. Он мог очаровать ее. Потом вывести из себя. Потом снова очаровать, так что она уже не понимала, был ли он змеем или змеей была она, а он был заклинателем.

Так что он плыл по волнам своего очарования и своей жестокости, причиняя людям боль, и находил себе новые увлечения, оставляя обломки прежних за бортом.

А потом внезапно его чары перестали работать. Трамвай сошел с рельсов. Поезд остался без машиниста. Ошибки стали непростительными, и в конечном счете было уже невозможно закрыть глаза на повторную оплошность, а та же оплошность, допущенная в третий раз, повлекла за собой тяжкие последствия: чья-то жизнь оборвалась, был подписан смертный приговор, что в результате едва не привело к потере еще одной жизни. Ее жизни.

Как она могла по-прежнему любить того, кто пытался ее уничтожить?

Пока она оставалась с ним — а она еще очень долго по собственной воле оставалась с ним, когда он уже катился по наклонной, — они вместе боролись против системы. Приюты. Неотложки. Интернаты. Лечебницы для душевнобольных. Грязь. Сотрудники, которым наплевать на пациентов. Санитары, которым только дай потуже затянуть ремни смирительных рубашек. Медсестры, которые делают вид, что их это не касается. Доктора, которые раздают таблетки направо и налево. Моча на полу. Экскременты на стенах. Запертые вместе, больные злобствуют, терзаются, кусаются и дерутся.

Но по-настоящему его воспаляли не окружающие несправедливости, а яркие искры ярости. Новизна очередного дела. Возможность что-то изничтожить. Угроза насилия. Обещание славы. Их имена в свете огней. Праведные деяния на устах школьников, которые будут изучать их на занятиях, посвященных великим преобразованиям.

«Пенни, никель¹, десятицентовик, четвертак, долларовая купюра...»

Но кое-что она скрывала, в одном прегрешении никогда не могла признаться: первую искру зажгла она.

Она всегда верила — страстно, с глубокой убежденностью, — что единственный способ изменить этот мир — это его уничтожить.

---

¹ В США с 1866 г. выпускаются монеты достоинством пять центов, на 75% состоящие из меди, а на 25% — из никеля. (Прим. пер.)

20 АВГУСТА 2018 ГОДА

1

— Андреа, — начала ее мать. Затем, исполняя просьбу, которую до этого слышала примерно тысячу раз, поправила себя: — Энди.

— Мам...

— Дай мне сказать, дорогая. — Лора сделала паузу. — Пожалуйста.

Энди кивнула, готовясь к лекции, которую ждала уже давно. Сегодня ей официально стукнул тридцать один год. Ее жизнь находится в стагнации. Ей нужно начать самой принимать решения, вместо того чтобы позволять жизни принимать их за нее.

Тут Лора сказала:

— Это моя вина.

Энди почувствовала, как ее крепко сжатый рот раскрывается от удивления.

— Что твоя вина?

— Что ты здесь. Заперта здесь, как в ловушке.

Энди развела руками, показывая на дайнер¹.

— В «Райз-энд-Дайн»?

Взгляд матери проделал путь от макушки Энди к ее рукам, которые снова нервно гуляли по столу. Грязные каштановые волосы убраны в небрежный хвост. Темные

---

¹ Тип ресторана быстрого обслуживания, характерный для Северной Америки. (Прим. пер.)

круги под усталыми глазами. Ногти обкусаны до мяса. Косточки на запястьях выступают, словно корабельные носы. Ее кожа, обычно бледная, теперь приобрела цвет воды из-под сосисок.

Ее рабочая одежда даже не входила в перечень несовершенств. Темно-синяя форма висела на Энди, как мешок. К карману пришит жесткий нагрудный знак серебристого цвета — герб Белль-Айл с пальмой, окруженный надписью: «Диспетчерская служба полиции». Вроде полицейская, но на самом деле нет. Вроде взрослая, но не совсем. Пять ночей в неделю Энди вместе с четырьмя другими женщинами сидит в темной отсыревшей комнатухе, отвечает на звонки по телефону 911, проверяет номера автомобилей и водительских прав и присваивает коды новым делам. А потом, примерно в шесть часов утра, она крадучись возвращается в дом своей матери и спит бóльшую часть дня.

— Мне вообще не стоило позволять тебе сюда возвращаться, — сказала Лора.

Энди сжала губы. Она уставилась на остатки яичных желтков в своей тарелке.

— Моя милая девочка. — Лора потянулась к ее руке на другом конце стола, ожидая, пока она поднимет взгляд. — Я выдернула тебя из твоей жизни. Мне было страшно, и я думала только о себе. — На глаза матери навернулись слезы. — Это неправильно — так сильно в тебе нуждаться. Я не должна была так много у тебя просить.

Энди замотала головой. Она снова вернулась к своей тарелке.

— Дорогая.

Энди продолжала мотать головой, потому что единственной альтернативой было заговорить, а это значило сказать правду.

Мать не просила ее вообще ни о чем.

Три года назад Энди шла к своему дерьмовому четырехэтажному дому без лифта в Нижнем Ист-Сайде,

ужасаясь перспективе провести еще одну ночь в однокомнатной халупе, которую она делила с тремя другими девушками, ни одна из которых ей особенно не нравилась. Все они были моложе, симпатичнее и большего достigli. Тогда и позвонила Лора.

— Рак груди. — Лора не шептала и не подбирала слова, а перешла сразу к делу в своей обычной спокойной манере. — Третья стадия. Хирург удалит опухоль, после чего, пока я буду под наркозом, проведет биопсию лимфатических узлов, чтобы оценить...

Лора продолжала говорить о том, что ее ждет, несколько отстраненно углубившись в научную специфику, которая прошла совсем мимо Энди, чьи способности обрабатывать вербальную информацию моментально атрофировались. Она лучше расслышала слово «грудь», чем «рак», и тут же представила роскошный бюст матери. Впихнутый в скромный закрытый купальник на пляже. Выглядывающий из декольте на тематическом шестнадцатом дне рождения Энди, где все должны были одеться как персонажи «Гордости и предубеждения». Заключенный под мягкими чашечками и выступающими косточками ее «ЛедиКомфорт Бра», когда она сидела на кушетке в своем кабинете и работала с пациентами, страдающими нарушениями речи.

Лора Оливер не выглядела секс-бомбой, но она всегда была, как выражаются мужчины, очень хорошо сложена. Или, может, так выражались женщины — когда-то в прошлом веке. Лора была не из тех, кто всегда носит макияж и жемчуг, но она не могла выйти из дома, если ее короткие седые волосы не были аккуратно уложены, льняные брюки не были накрахмалены до хруста, а нижнее белье не было чистым и не держало форму.

Энди обычно с трудом удавалось покинуть квартиру. Ей постоянно приходилось за чем-то возвращаться: за телефоном или за пропуском на работу, а однажды даже за кроссовками, потому что она вышла из дома в тапочках.

Когда люди в Нью-Йорке спрашивали Энди, какая у нее мама, она всякий раз вспоминала, что Лора говорила о собственной матери: «Она всегда знала, где лежит крышка от каждой кастрюли».

Энди было лень даже закрыть сумку на молнию.

Лора порывисто втянула воздух, и на расстоянии в более чем тысячу километров только этот звук в телефонной трубке выдал, как ей непросто.

— Андреа?

Слух Энди, полный нью-йоркского шума, снова сфокусировался на голосе матери.

Рак.

Энди попыталась прочистить горло. Но не смогла издать ни звука. Это был шок. Это был кошмар. Это был неконтролируемый страх, ведь мир внезапно перестал вращаться, и все неудачи, разочарования, ужасы жизни Энди в Нью-Йорке за последние шесть лет отступили, словно их снесло огромной волной цунами. То, что никогда не должно было выйти на свет, вдруг открылось.

У ее матери рак.

Возможно, она умирает.

Возможно, она умрет.

Лора продолжила:

— Так вот, затем химиотерапия, которая, конечно, будет тяжелой во всех отношениях. — Она давно привыкла заполнять продолжительные паузы в разговорах с Энди, хорошо зная, что попытки насильно их прервать скорее закончатся ссорой, чем продолжением цивилизованной беседы. — Потом мне нужно будет каждый день принимать таблетку, и на этом все. Коэффициент выживаемости на протяжении пяти лет — более семидесяти процентов, так что волноваться тут особо не о чем, кроме того, как через все это пройти. — Последовала новая пауза, в течение которой она восстанавливала дыхание, а может, надеялась, что Энди уже готова говорить. — Это очень хорошо лечится, дорогая. Я не хочу, чтобы ты волновалась. Не надо никуда ехать. Ты тут ничего не можешь сделать.

Резко прозвучал сигнал автомобиля. Энди подняла глаза. Она стояла, как статуя, посреди пешеходного перехода. Она попыталась сдвинуться с места. Телефон у ее уха нагрелся. Было за полночь. Пот стекал по ее спине и сочился из-под мышек, как топленое масло. Она слышала искусственный сериальный смех из телевизора, звон бутылок и безвестный пронзительный крик о помощи, какие она научилась заглушать у себя в голове в первый же месяц жизни в Нью-Йорке.

С ее стороны трубки было чересчур тихо. Наконец ее мать предприняла еще одну попытку:

— Андреа?

Энди открыла рот, не решив, какие слова должны из него прозвучать.

— Дорогая? — сказала мать, оставаясь все такой же спокойной, все такой же бесконечно *приятной*, какой она была со всеми, с кем ей доводилось иметь дело. — Я слышу шум улицы, иначе я подумала бы, что связь прервалась. — Она опять сделала паузу. — Андреа, мне правда нужно, чтобы ты поняла то, что я тебе говорю. Это важно.

Рот Энди по-прежнему был открыт. Запах канализации, характерный для ее района, прилепился к ее носоглотке, словно переваренные спагетти, которые кто-то швырнул в кухонный шкафчик. Раздался еще один громкий автомобильный сигнал. Еще одна женщина позвала на помощь. Еще одна капля пота скатилась у Энди по спине и впиталась в пояс ее трусов. Резинка была прорвана в том месте, куда попал ее палец, когда она их стягивала.

Энди до сих пор не могла вспомнить, как ей удалось заставить себя выйти из ступора, но она помнила слова, которые наконец сказала матери:

— Я еду домой.

Ей было особо нечем похвастаться после шести лет в большом городе. С трех своих работ на полставки Энди уволилась эсэмэсками. Проездной для метро отдала бездомной, которая поблагодарила ее, а потом проскрипела, что она — чертова шлюха. В чемодан Энди положила